

Э. Копоненко

Р30.022

БЕССМЕРТИЕ

Гослитиздат, 1948

БЕССМЕРТНЫЕ

По лесным подмосковным дорогам мчался небольшой грузовик. На грузовике, тесно прижавшись друг к другу, сидели несколько юношей и две девушки. Бодро шутили. Лейтенанту, который по просьбе партизан, связанных с частью Красной Армии, должен был перевести этот молодой отряд через линию фронта в тыл врага, пришлось по душе эти дружные, бодрые, полные жизненных сил люди. Все они были молодые, сильные, мороз разрумянил их щеки и кровь играла в жилах. Лейтенант прислушивался к их свежим голосам. Иногда мелькала мысль:

«Достаточно ли ясно обладают они себе отчет в том, куда ^{вообще} ~~куда~~ ^{идут} ~~идут~~? Ведь это их

первое партизанское задание. На каждом шагу их будет подстерегать опасность, а может быть, и смерть... Готовы ли они встретиться с ней лицом к лицу?»

Лейтенант ничего не спрашивал. Он знал, что эти молодые люди добровольно ушли в партизаны.

Да, они ясно отдавали себе отчет во всем. Они знали, что их ждет суровая и опасная жизнь, и, может быть, даже эта жизнь будет очень короткой. Они знали также, что немецкие фашисты люто ненавидят партизан, но еще сильнее ненавидели они сами фашистскую сволочь, протянувшую алчные лапы к родной Москве. В те часы, когда гитлеровские бандиты разбойничали на подступах к сердцу Советского Союза, предвкушая, как они вломятся в Москву и водрузят на кремлевских башнях флаги с фашистской свастикой, эти восемь молодых москвичей не стерпели и ушли партизанить в подмосковные леса, ушли помогать Красной Армии. Ушли истреблять ядовитую нечисть, посягнувшую на их молодость. Без колебания оставили они семьи, друзей, любимых деву-

шек, жилища. С любовью и волнением взглянули на знакомые с детства улицы любимого города.

-- До свиданья, Москва! Я уйду тебя защищать. Я уйду защищать родину, советский народ, советскую землю, жизнь человечества, — сказал каждый из них.

В час своего расставания с Москвой студенты Шура и Женя быстро шли по улицам, жадными глазами смотрели на каждый дом, на окна, заклеенные полосками, на витрины магазинов, заколоченные фанерой, на автомобили, покрашенные под цвет снега. Никогда Москва не казалась им такой родной, как сейчас. Они пришли на Красную площадь, смотрели на седые знакомые елки, на мавзолей, на Спасскую башню, на стены Кремля.

— До свиданья, Красная площадь, — глухим от волнения голосом прошептала Женя, -- а может быть, и... прощай! Вот мавзолей... Там Ленин. Вот Кремль... Там Сталин. Шура, Шура, знает ли он, что мы тут с тобой стоим, что мы уходим туда... Чувствует ли он это, Шура?

Я только сейчас об этом думала, Женя-

ка. Честное комсомольское! — обрадованно воскликнула Шура. — Кончится война... будет, как всегда, первомайский физкультурный парад... мы пройдем через Красную площадь. Будет чудесно, Женька. Сталин машет рукой. Я прохожу и мысленно говорю ему: я тоже защищала Москву! Чертовски хорошо будет... Женька, родная, сбегает еще к манежу. Мне хочется взглянуть... Помнишь, мы там отплясывали в прошлом году? Вот здорово было! Вся площадь прямо под звездами танцевала вальс... Женька, ты что? Женька, ты плачешь?

Женя смотрела куда-то вверх зубчатых кремлевских стен. Глаза ее были полны слез и восторга. Она улыбнулась и покачала головой:

— Нет! Это так. Как я рада, Шурка. Я просто счастлива. Нет ни страха, ничего... Пусть будет холодно, пусть по пояс в снегу, пусть меня ранят, убьют даже... лишь бы сделать все так, как надо. Лишь бы отбросить, задавить эту гадину!

Несколько секунд девунки, тесно прижавшись друг к другу, смотрели на любимые

очертания Красной площади и потом ушли, смешавшись в рядах прохожих.

В эти же часы расставались с городом и остальные шестеро. Конструктор Константин Пахомов, конструктор Коля Галочкин, крановщик Павел Кирьяков, слесарь Витя Ординарцев, молодой инженер Николай Каган уходили с одного завода — «Серп и молот». К ним присоединился Ваня Маленков — слесарь завода «Москабель».

...Лейтенант перевел молодой партизанский отряд через линию фронта. Ночь была ясная, лунная. Снег переливался тысячами изумрудных огоньков. Шли цепочкой. Шли в глубоком молчаньи.

— Ну, теперь мы прощаемся, — сказал лейтенант. Все восемь остановились. Все восемь горячо, крепко пожали руку лейтенанту.

— Спасибо, товарищ командир.

— Не за что. Вам спасибо, что помогаете Красной Армии. Значит, все ясно, товарищи? Куда идти -- знаете. Счастливо вам, товарищи.

...На войне много неожиданностей. На

кладбище около Волоколамска, пробираясь однажды к штабу фашистских войск, смелая восьмерка попала в засаду врага.

— Сдавайтесь! Русские, сдавайтесь! — кричали угрожающе фашисты. Их было множество. Их было в десять раз больше. Но храбрая восьмерка решила принять бой. Долго длилась перестрелка. Перебегая от укрытия к укрытию, комсомольцы меткими выстрелами снимали немецких автоматчиков. У Пахомова был пистолет. Пахомов смело пробрался вперед и открыл в упор огонь по врагу. До последнего патрона сражались комсомольцы. Не скоро смогли фашисты сломить сопротивление этой горстки смельчаков. Но вот пришло к фашистским автоматчикам подкрепление, и немцы окружили восьмерку, схватили, обезоружили.

— Партизаны? — визгливо спросил маленький немецкий офицер. Он вертелся и прыгал вокруг молодых пленников и самого себя, как шелудивая собачонка, которая боится своего хвоста. Должно быть, и обезоруженные советские люди были ему страшны.

Партизаны? — продолжал тоненько лаять гитлеровский холуй и вдруг расхохотался, закинув круглую головку. Он прикинул, должно быть, сколько дадут ему за каждую партизанскую голову, за восемь партизанских голов.

— Айн, цвай, драй, фир, фюнф...—считал по пальцам маленький офицер и снова залился идиотским тоненьким смехом, снова закружился вокруг пленников, то приближаясь к ним, то отскакивая от них.

Комсомольцы молчали. С тяжелой ненавистью смотрели они на поросыачье личико гитлеровца.

...Волоколамск. В небольшом песочного цвета домике номер 32 по Ново-Солдатской улице офицеры в четыре руки играли на пианино фокстрот.

— Ах, майне либэ Амалия,—напевал маленький офицер, закидывая круглую розовую головку. Другие офицеры раскладывали пасьянс. Должно быть, они гадали, в какой день въедут в Москву. Солдат доложил о том, что привели пленных.

Пахомов, Кирьяков, Витя Ординарцев,

Иван Маленков, Коля Галочкин, Катан, Шура, Женя стояли напротив крыльца, окруженные двумя десятками фашистов. Каждый из восьми думал:

«Что сейчас будет? Допрос? пытки? Смерть? Нет, я все вынесу, вынесу все. Я не слюняй, не мозгляк. Меня советская власть воспитала. Уж если так случилось, так, по крайней мере, пусть эти проклятые фашистские рожи не замечают моего волнения... Я ничего не скажу и ничего не боюсь. Не услышите от меня, гадюки, ни словечка. Смерть? Неужели... смерть? Да, смерть. Они убьют меня. Они убьют нас. Смерть! Но уж, если смерть, так умереть так, как... ну, Гастелло, ну, вообще все... наши герои».

Мысли работали лихорадочно. Как хотелось всем восьми товарищам сказать сейчас что-нибудь друг другу! Но говорить можно было только глазами.

— Товарищи!.. Ребята,— говорили глаза каждого из восьми, устремленные на лица друзей,— ничего. Товарищи! Держитесь. Я выдержу. Сволочи — немцы! Гады! Подлые

гады. Самое обидное — мы не успели сделать до конца все то, зачем шли. Но ведь мы хотели! Я хотел, хотел этого. Я шел, не думая о своей жизни. Мерзавцы... Победа все равно за нами. Ни слова, товарищи. Мы все вместе. Не падать духом, товарищи. Все за одного, один за всех. Я спокоен. Ты спокоен?

— Я спокоен, — отвечали глаза, — я спокоен, спокоен, спокоен. Ты видишь, я тут рядом с тобой. Я ненавижу фашистских собак так же, как и ты. Я ненавижу их!

В дом прошли два генерала. Они не взглянули на пленных. За ними, угоднически улыбаясь, спешили офицеры и переводчик. «Кажется, сейчас начнется. Скорей бы!» — подумали все восемь.

Первым позвали на допрос Пахомова. Он выпрямился, повернул лицо к друзьям. Семь пар глаз налили его взгляд. Пахомов тепло усмехнулся. Как благодарны были друзья за эту спокойную теплую усмешку!

В комнате расположились немецкие генералы и офицеры. Переводчик шуршал бумагой.

— Цели вашего появления у нас в тылу

нам ясны,— сухо сказал через переводчика генерал с холодными голубыми, на выкате, коровьими глазами,— отвечайте, кто вам дал задание, кто послал вас к нам в тыл?

Глаза Пахомова сверкнули насмешливым огоньком. «Кто послал? — воскликнул он мысленно. — Весь советский народ, вся родина, все разумное и честное на земле, я сам, я сам себя послал, чтобы вредить вам, подлые и опасные гады...»

Пахомов молчал.

— Отвечайте же,— спросил снова фашистский генерал,— семь человек, которые взяты в плен вместе с вами... кто они? Комсомольцы? Москвичи? Вы знаете их? Назовите их имена. Кто вас послал? С какой частью Красной Армии вы связаны? Отвечайте.

Пахомов с гордой усмешкой смотрел на генерала. «Неужели тебе непонятно, скотина, что я ничего не скажу?» — говорил его взгляд.

— Ваше молчание принесет вам большие неприятности! — взвизгнул вдруг маленький круглый офицерик, и пороссячья физиономия его побагровела. Пахомов сверху вниз

посмотрел на офицера. «Неприятности?! Да какие же вы можете причинить мне неприятности? Самая большая неприятность, что я не прострелил твою свиную голову. Не успел как следует разделаться с вами. Но это сделают другие. Какие неприятности вы можете теперь мне причинить? Вы, жалкие, тупоголовые людишки, ничтожество, насекомые. Самое большое, что вы можете сделать, — убить меня. Ну, а дальше?»

Тяжелое молчание повисло в доме. Генерал отвел глаза от спокойного, светлого и чуть насмешливого лица Пахомова.

— Увести, — злобно пробормотал он.

Так же стойко и гордо вели себя на допросе все восемь товарищей.

— Если вы нам ничего не скажете — вас ждет смертный приговор. Вы понимаете это или нет? — зло прикрикнул фашистский начальник на Женю.

На бледном лице Жени выступил лихорадочный румянец. Серые глаза полыхали недобрым и гордым огнем. Женя вскочила со стула.

— Я понимаю это и отвечаю третий и

последний раз: мне с вами говорить не о чем!

Третьей допрашивали веселую, светлоглазую, юную Шуру.

— У вас есть родители? — спросил генерал.

— Мама, — ответила Шура, съеживаясь, как девочка.

— Вашей матери будет очень приятно увидеть вас, — многозначительно улыбаясь, сказал фашист.

Шура выпрямила плечи.

— Ей будет еще приятнее знать, что я не изменница! — страстно воскликнула девушка.

Генерал приказал обыскать Шуру. Солдаты сорвали с нее пальто. Шура горящими глазами следила за их движениями.

«В пальто... в пальто зашито... они найдут!»

Да, они нашли. Щуря глаза, генерал поднес к лицу девушки маленькую коробочку с взрывчаткой.

— Что это? Я спрашиваю вас, что это? — дрожа от гнева, спросил генерал.

— А вы не видите, что ли? — громко,

почти насмешливо воскликнула Шура. И криво улыбнулась.

Несколько секунд все молчали. Потом самый главный фашистский начальник подошел к девушке и спросил в уюор с злым изумлением, которое он не мог скрыть:

— Да вы боитесь чего-нибудь в жизни, чорт побери?!

— Чего именно? — спросила Шура, глядя прямо в глаза фашисту своими ясными глазами.

— Ну, хотя бы смерти, от которой вы сейчас на волоске? — пробормотал генерал, подергивая шейю.

— Я не хочу умирать, — страстно воскликнула Шура, и в голосе ее задрожала прозрачная печаль, — я хочу жить! Мне бы хотелось жить долго, чертовски долго, но если суждено умереть за советскую Родину... Пусть! Раз так случилось — я умру!

Они растерялись на какую-то долю секунды, эти тупые скоты, давно утратившие все человеческое. Они вытаращили глаза, раскрыли рты, как рыбы, выброшенные из воды на песок.

— Я умру! — твердо повторила девушка своим звонким, сочным голосом, полным жажды жизни.

— Увести, увести, — взвизгнул кто-то из гитлеровцев. Эта комсомолка действовала им на нервы. Они ничего не боятся, эти русские, они не боятся смерти!

— О, сталиниюгенд... — с досадой процедил сквозь стиснутые зубы главный начальник, — русская молодежь!

Перед ним стоял следующий пленник. Это был Витя Ординарцев. Глаза юноши смотрели из-под сдвинутых бровей так грозно, обличительно, брезгливо, словно не его будут допрашивать и приговаривать к смерти, а он сейчас подпишет приговор своим судьям.

— Ваша фамилия? Фамилия, фамилия, — нетерпеливо вскричал генерал. Он был взбешен. Он уже понял, что из допроса ничего не выйдет.

...Первым на крыльцо дома вышел немецкий ефрейтор, он закурил сигарету и направился к хозяйке дома, которую выгнали на улицу, пока шел допрос.

— Русс капут, — сказал он со смехом и провел рукой по своей шее. Он хотел сказать женщине, что русских повесят. Женщина отшатнулась.

Вслед за ефрейтором вышли на улицу вспотевшие генералы, офицеры, переводчик. Пленники стояли шеренгой, разделенные солдатами. Пахомов почувствовал, что больше не может молчать.

— Товарищи! — вскричал он, обращаясь к друзьям. Фашист ударил Пахомова прикладом по лицу. Но долго звенел еще в ушах семерных остальных страстный клич «Товарищи!..» И слышалось в этом слове: «Друзья, комсомольцы, сейчас нас убьют. Встретим смерть с высоко поднятой головой. Умрем гордыми. Ни одной слезы. Ни одного слова о пощаде. Умрем большевиками. Это все, что мы теперь можем сделать для родины».

Их повели вдоль шоссе по снежной тропе. Сейчас им разрешили идти вместе. Они шли локоть к локтю, небольшой дружной ватагой, так, как идут часто комсомольцы, возвращаясь с собрания. Много надо было

сказать друг другу. Но все восемь молчали. Все погрузились в свои думы. В свои последние думы... И только снег скрипел под ногами.

Выглянуло розовое солнце и осветило крыши маленьких волоколамских домов.

— Солнышко, — обрадованно прошептала Шура, прижимаясь всем телом к подруге, — Женька, солпышко... Женичка... мы погибнем, но нас не забудут, правда? Скажи мне что-нибудь, Женя.

— Конечно, Шура... Нас не забудут!

— Мне, знаешь... мне только обидно, что мы не успели сделать всего, что хотели.

— Другие сделают за нас, Шура. Победа все равно за нами. Мы истребим их, Шура!

Девушки обнялись и пошли, обнявшись. С тупым удивлением взглянул на них огромный немецкий солдат, шагающий рядом.

Пахомов и все остальные шли молча. Мысли были пестрые и горячие, как в бреду.

«Узнают ли товарищи... там, в Москве, что они дрались до последней пули в обойме? Как они узнают? Хоть бы узнали, хоть

бы узнали. Только бы узнали, что они все, восемь, достойно встретили смерть... Не слышали фашистские мерзавцы того, что им так хотелось услышать. Ох, как им хотелось этого! Генерал с длинной шеей не мог спокойно сидеть от досады — бегал по избе, точно зверь в клетке. А этот офицерик со свинячьей мордочкой вертелся, как на горячей сковороде. Сволочи! Вот они идут... Сволочи! Идут по русскому городу, как по своему... Мерзавцы! Все равно вас отсюда вышибут. Все равно вам здесь не хозяйничать. Вышибут, вышибут, вышибут. Сдохнете, сволочи!»

— Костя, — тихо сказал Павлик Кирьяков, — я, кажется, там, на кладбище, кое-кого из них уложил?

— Ты хорошо дрался, Паша. Ты у нас всегда метко бил. Не кое-кого, — ты многих уложил, Паша!

...Виселицу увидели все одновременно. Один конец перекладины был прибит к телеграфному столбу, другой к березам. Березы белые и холодные, как на зимнем кладбище. Ветер покачивал веревки.

— Восемь, — сосчитал Витя Ординарцев, и дрожь пробежала по молодому телу, — для нас. — Отвернулся.

«Виселица, — подумал Пахомов и тоже отвел глаза от этой ужасной перекладкины. — значит, так. Повесят, гады. Еще несколько шагов...»

Но офицер с поросячьей физиономией, который вел пленников, неожиданно свернул с шоссе налево, в сторону от виселицы.

«Что же это? Куда это он?» — пронеслось в мозгу у каждого, и все замерли в смертельной тоске. И вдруг увидели длинный ров. Он зиял, как черная пасть среди снега. Около рва стояли немецкие автоматчики. Восемь автоматчиков.

«Расстрел! — мелькнула мысль. — Сейчас расстреляют, гады. Гады!»

Солдаты подвели пленников ко рву и стали толкать прикладами в спины — хотели поставить в ряд. Пахомов вспыхнул. Пахомов оттолкнул немца, твердыми шагами подошел к товарищам, протянул им руки.

— Ребята! — воскликнул он, волнуясь и

не скрывая больше своего волнения. — Ребята, прощаемся! Товарищи, прощайте.

— Прощай, Костя.

— Костя, прощай, прощай!

— Прощай, Павлик... дружище...

— Витя! Дорогой...

— Прощай, Пахомыч.

— Павел!

— Ваня! Прощай, милый.

— Девчата... дорогие. Шура! Женя!

— Прощайте, товарищ Пахомов.

— Николай... Коля!

— Ребята... Родные! Товарищи!

— Ребята! Комсомольцы! Ничего... Держитесь... Победа за нами! Ни слова. Выше голову. Пусть фашистская сволочь посмотрит, как умеют умирать комсомольцы.

Они порывисто обняли друг друга, крепко-крепко пожали руки. Пахомов и Коля Галочкин, два закадычных друга, поцеловались трижды. Ваня Маленков и Витя Ординарцев, почти однолетки — одному девятнадцать, а другому восемнадцать, — обнялись, как братья. Женя стала целовать Шуру в щеки, в губы, в глаза.

— Женичка.., мы вместе..: Женичка! Я тебя никогда не забуду, — как во сне шептала Шура.

Грубыми пинками разлучили фашисты товарищей. Офицер с поросячьей физиономией оттолкнул Женю, ласкающую Шуру.

— Подлец! Будьте вы прокляты! — гневно воскликнула Женя и плюнула в лицо офицеру.

— Женя! Женя! Товарищи, становитесь... Мы все вместе. Мы все рядом! — тихо воскликнул Пахомов.

Восемь автоматчиков заняли свои места, сзади пленников. Каких-нибудь десять шагов отделяли дула автоматов от молодых людей. Пахомов резко повернулся. Лицо его просветлело. Громко и страстно вскричал Пахомов:

— Да здравствует советская Родина! Да здравствует Сталин!

— Да здравствует Сталин! — загремели на всю Солдатскую площадь молодые голоса комсомольцев. Офицер злобно взвизгнул и махнул рукой. Семь человек упали. В Пахомова пуля не попала.

— Не страдайте за нас, родные, бейте фашистов! Жгите их, проклятых! Не бойтесь, надейтесь! Красная Армия еще придет! — торжествующе закричал во весь голос Пахомов. Глаза его искали лица родных советских людей. Раздался выстрел. Пахомов упал. Но вот он, обливаясь кровью, поднялся на колени и снова воскликнул:

— Да здравствует советская Родина! Да здравствует Красная Армия!

Приподнялись на колени, собрав последние силы, и остальные.

— Да здравствует Ста-алин! — услышался звонкий голос Шуры, и на секунду показалось из ямы ее окровавленное лицо.

— Смерть фашистским палачам!

Снова загремели выстрелы. Немецкие автоматчики подбежали к самому краю рва и начали в упор расстреливать комсомольцев.

— Да здравствует Сталин!

— ...Родина!

— ...Сталин!

— ...Прощайте! — доносились приглушен-

ные возгласы. Юноши и девушки уже лежали в канаве, обливаясь кровью, которая хлынула из сердец.

— ...М-а-ама! — вспыхнул и погас детский голос Шуры, в которую, нагнувшись над рвом, третий раз выстрелил немецкий убийца. И все стихло.

Немцы вытащили на снег неподвижные, но еще трепещущие тела. Снег стал красным. Генерал что-то быстро приказал. Солдаты схватили комсомольцев за волосы, за руки, за ноги и поволокли по снегу к виселице. Пахомов, Женя и Николай Каган еще дышали... Генерал кивнул головой. Палачи подняли бездыханные, залитые кровью тела героев. Но Пахомов, Женя и Каган все еще дышали. Они были еще живы, когда солдаты накинули на их шеи веревки.

Их повесили рядом. Пахомова, потом Шуру, потом Женю, потом Витю Ординарцева, потом всех остальных:

Из облаков вышло румяное морозное солнце и осветило седые березы, ветлы, багряную стежку, которая тянулась от рва

к виселице, искаженные страданиями лица восьми повешенных. Билась кровавая пена в углах жениных губ.

...Пятьдесят дней висели, качаясь на веревках, обледенелые трупы восьми повешенных. Пятьдесят дней не снимали их фашистско-немецкие изверги с виселицы, желая устрашить жутким зрелищем волоколамских жителей.

Просыпались по ночам дети, прислушивались к свисту ветра в трубе, вздрагивали, шептали матерям, горько плача:

— Мам... они... висят? Мне страшно, мама. Мне жалко их. Мам! Красноармейцы придут? Когда они придут, мама?

— Придут, сыночек. Тихо, сынок. Не плачь. А то немцы убьют нас,—умоляли матери, глотая слезы. А самим хотелось выть от горя, от тоски, от страха и злобы--вот просто так подняться и завывать на весь дом, где храпят вповалку нажравшиеся, пьяные немцы.

...На рассвете седого декабрьского дня танкисты-гвардейцы части генерал-майора Катукова, как ураган, ворвались в Волоко-

ламск. Побежали бешеные немецкие звери, побежали. Еще недавно офицерик с поросычьей физиономией, который вел восемь пленников на казнь, хвастливо хохотал, закидывая розовую головку:

— Калинин — капут, Клин — капут, Волоколамск — капут, Москва — скоро капут, вся Русь — капут...

В это утро офицерик с поросычьей физиономией накинул на себя мундир, надел старухины валенки на босые ноги и побежал. По дороге от страха угодил в мелкую прорубь и поднял страшнейший визг. Сбежались люди. Офицерик с поросычьей мордочкой сидел без штанов в ледяной луже и визжал:

— Германия — капут! Германия — капут! Ах, капут, капут!

Люди вытащили немца. Он был в одной рубашке, дрыгал голыми ножками, запрокидывал головку и все визжал и плакал:

— Ах, капут, капут!

— Плачь, сволочь, — сказали люди и обмакнули в ледяную лужу офицерика вместе с его поганой поросычьей головкой.

Товарищи родные! Пахомов, Павлик Кирьяков, Витя, Женя, Шура, Коля Галочкин, все восемь... как бы хотелось, чтобы вы слышали шум наших танков, входящих в Волоколамск, и трусливые всхлипыванья немца, который вел вас на виселицу.

Танкисты вошли в город. Первый же танк увидел на Солдатской площади страшную виселицу и гневно остановился. За ним другой, третий, четвертый. Молодые танкисты вышли из танков. Вот они обнажили головы. Вот они подошли близко к виселице, где качались на ветру бездыханные тела Кости Пахомова, Павла Кирьякова, Вити Ординарцева, Вани Маленкова, Коли Галочкина, Шуры Луквиной-Грибковой, Жени Полтавской, Николая Кагана. Танкисты разрубили веревки, бережно сняли тела погибших мученической смертью героев-комсомольцев.

— Родные наши. Товарищи, — с болью и нежностью прошептал молодой командир и прикрыл плащом обледенелые ноги Шуры так ласково, как брат укутывает младшую сестренку, которая озябла. Потом он по-

вернул лицо к бойцам. Это лицо потемнело от гнева.

— Бойцы! Красноармейцы! Отомстим сволочи фашистской! Отомстим душегубам!

— Отомстим! — гремели, как клич, молодые, полные страсти, злобы и силы голоса.

..В городском волоколамском саду, у памятника Ленина, покоятся в широкой братской могиле восемь верных сынов и дочерей советской родины, кровь от крови ее, плоть от плоти ее. Не было для них ничего дороже советской земли. Все они мечтали о светлом будущем человечества и посвятили будущему свои молодые жизни.

Румяное солнце озаряет могилу. К возмездию, к возмездию зовет эта братская могила, к бесстрашию, к непримиримой борьбе.

Будь ты прокляга, черная фашистская гадина, мешающая дышать всему светлому и разумному на земле. Мы ненавидим тебя. Мы ненавидим тебя и поэтому мы победим.

Друзья! Пахомов... Павел Кирьяков... Витя Ординарцев... Ваня Маленков... Коля Галочкин... Шура... Женя... все юноши и девушки, погибшие в борьбе за советский народ, за счастье человека, вы отдали родине, русскому народу, ленинской партии, комсомолу все, чем владели, — юность, дерзания, любовь, надежды, жизнь. Вы встретили гибель с высоко поднятой головой, не уступив врагу, вы сумели гордо умереть. Друзья! Это — не смерть. Это — бессмертие. Вы приобрели самое великое и прекрасное, что есть в природе, — бессмертие. Память о вас будет жить в веках. Чистые, благородные, горячие сердца ваши будут биться в сердцах потомков.

Мы не прощаемся с вами, друзья!